NAZARETH COLLEGE OF ROCHESTER
3 2769 00 532 508

891.7842
Tsv

129887

Tsvetaeva.
Versity.

Learning Resources Center
Nazareth College of Rochester, N. Y.

ВЕРСТЫ

I

Птицы райские поют,
В рай войти нам не дают...

Tsvetaeva, Marina

Марина Цветаева

ВЕРСТЫ

Uersity

СТИХИ

Выпуск I

DISCARDED

Государственное Издательство
МОСКВА □ 1922

LEARNING RESOURCES CENTER
NAZARETH COLLEGE

Государственный Трест
„ПЕТРОПЕЧАТЬ"
Типография Первопечатника
имени „Ивана Федорова"
Звенигородская 11.

Facsimile edition by
Ardis
Ann Arbor, 1972

129867

Р. II. № 1547.

11.784
TSU

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, —
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди — слева, справа — вороны...
Наши дороги — в разные стороны.

Ты отойдешь — с первыми тучами,
Будет твой путь — лесами дремучими,
песками горючими.
Душу — выкличешь,
Очи — выплачешь.

А надо мною — кричать сове,
А надо мною — шуметь траве...

Москва, январь 1916 г.

Посадила яблоньку:
Малым — забавоньку,
Старому — младость,
Садовнику — радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору — досада,
Хозяйке — услада.

Породила доченьку —
Синие оченьки,
Горленку — голосом,
Солнышко — волосом.
На горе девицам,
На горе молодцам.

23 января 1916 г.

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На̀ голос воют. Рвут пасти —
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В сѐребро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою — как брызнет!
Встречной дугою — млад-лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

6 февраля 1916 г.

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916 г.

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память —
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без устали, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, —
Как на праздник они обуты!
Ущеми себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста, —
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

17 февраля 1916 г.

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916 г.

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая — о нежность! —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916 г.

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем — взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь — перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.
Серебряно мне — петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916 г.

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоем —
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко — в ночи — по асфальту — трость,
Двери настежь — в ночь — под ударом ветра...
Заходи — гряди! — нежеланный гость
В мой покой пресветлый.

4 марта 1916 г.

Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...
Материнское мое благословение
Над тобой, мой жалобный
Вороненок.

Иссиня-черное, исчерна-
Синее твое оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Масть.

Было еще двое
Той же масти — черной молнией сгасли! —
Лермонтов, Бонапарт.

Выпустила я тебя в небо,
Лети себе, лети, болезный!
Смиренные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.

12 марта 1916 г.

Еще и еще песни
Слагайте о моем кресте.
Еще и еще перстни
Целуйте на моей руке.

Такое со мной сталось,
Что гром прогромыхал зимой,
Что зверь ощутил жалость
И что заговорил немой.

Мне солнце горит — в полночь!
Мне в полдень занялась звезда!
Смыкает надо мной волны
Прекрасная моя беда.

Мне мертвый восстал из праха!
Мне страшный совершился суд!
Под рев колоколов на плаху
Архангелы меня ведут.

16 марта 1916 г.

Не ветром ветреным — до — осени
Снята гроздь.
Ах, виноградарем — до — осени
Пришел гость.

Небесным странником — мне — страннице
Предстал — ты
И речи странные — мне — страннице
Шептал — ты.

По голубым и голубым лестницам
Повел в высь.
Под голубым и голубым месяцем
Уста — жглись.

В каком источнике — их — вымою,
Скажи, жрец!
И тяжкой верности с головы моей
Сними венец!

16 марта 1916 г.

Гибель от женщины. Вòт знàк
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза — что? — пряча.
Ах запрокинется твоя голова —
Иначе.

Голыми руками возьмут — ретив! упрям! —
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам,
Серафим! — Орленок! —

17 марта 1916 г.

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Все стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим — отрок.

А задремлет — к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один — властелин скалы —
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв — спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

20 марта 1916 г.

Устилают — мои — сени
Пролетающих голубей — тени.
Сколько было усыновлений!
Умилений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа уже — не — млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою — верхней,
Развеваются надо мной — ветки.
Скоро купол на тòй церкви
Померкнет.

Облаками плывет Пасха,
Колоколами плывет Пасха...
В первый раз человек распят —
На Пасху.

22 марта 1916 г.

На крыльцо выхожу — слушаю,
На свинце ворожу — плачу.
Ночи душные,
Скушные.
Огоньки вдали, станица казачья.

Да и в полдень нехорош — пригород:
Тарахтят по мостовой дрожки,
Просит нищий грошик,
Да ребята гоняют кошку,
Да кузнечики в траве — прыгают.

В черной шали, с большим розаном
На груди, — как спадет вечер,
С рыжекудрым, розовым,
Развеселым озорем
Разлюбезные — поведу — речи.

Серебром меня не задаривай,
Крупным жемчугом материнским,
Перстеньком с мизинца.
Поценнее хочу гостинца:
Над станицей — зарева!

23 марта 1916 г.

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты, —
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
— Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
— Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

23 марта 1916 г.

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда — и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,
И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Черной бессонницей
Сияют лики святых,
В черном куполе

Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
— Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам — свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
— Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу-Матери,
Затерянная в тени,
Воззываю и я, радуясь:
Матерь — матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь

По утерянному пути —
Блага.
Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь — Ангела.
От словесной храни — пышности
Чтоб не вышла как я — хищницей
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто — по домам,
А кому — некуда,
Те — Бог весть куда,
Всѐ — Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, —
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москвà-реке
Смотреть, как лед идет.

24—25 марта 1916 г.

Четвертый год.
Глаза, как лед,
Брови уже роковые,
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки скрещены,
Рот нем.
Брови сдвинув — Наполеон! —
Ты созерцаешь — Кремль.

— Мама, куда — лед идет?
— Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!

Синий
Взор — озабочен
— Ты меня любишь, Марина?
— Очень.
— Навсегда?
— Да.

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Все
Идет.

24 марта 1916 г.

За девками доглядывать, не скис
Ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крестным.

Кормилица с дородным петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком
Что молодой — в часовенке — покойник...

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краюшке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персианке.

26 марта 1916 г.

Димитрий! Марина! В мире
Согласнее нету ваших
Единой волною вскинутых,
Единой волною смытых
Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой
Димитрий, над люлькой пышной
Твоею, Марина Мнишек,
Стояла одна и та же
Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,
Она же над вашим троном
— Как вкопанная — стояла
Без малого — целый год.

Взаправду ли знак родимый
На темной твоей ланите,
Димитрий, — все та же черная

Горошинка, что у отрока
У ро̀дного, у царевича
На смуглой и круглой щечке
Смеясь целовала мать?
Воистину ли, взаправду ли —
Нам сызмала деды сказывали,
Что грешных судить — не нам?

На нежной и длинной шее
У отрока — ожерелье.
Над светлыми волосами
Пресветлый венец стоит.

В Марфиной черной келье
Яркое ожерелье
— Солнце в ночи! — горит.

Памятливыми глазами
Впилась — народ замер.
Памятливыми губами
Впилась — в чей — рот.

Сама инокиня
Признала сына!
Как же ты — для нас — не тот!

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя́ пою,
Злую красу твою,
Лик без румянца.
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя
Славно ношу.

Правит моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд.

Крест золотой скинула,
Черный ларец сдвинула,
Маслом святым ключ
Масляный — легко движется.
Черную свою книжищу
Вынула чернокнижница.

Знать, уже делать нечего,
Отошел от ее от плечика
Ангел,—пошел несть
Господу злую весть:

— Злые, Господи, вести!
Загубил ее вор-прелестник!

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

29, 30 марта 1916 г.

СТИХИ О МОСКВЕ

1

Облака — вокруг
Купола — вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой — мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок — чти̇̀ —
Сороков церквей.
Исходи пешком — молодым шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет твòй черед:
Тоже — дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние —
На Ваганькове.

31 а 1916 г.

2

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По цѐрковке — всѐ сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские — с цветами — ворота̀,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную — приют от зол —
Где вытертый от поцелуев — пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916 г.

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая — ох — кровь!

Мо̀й ро̀т разгарчив,
Даром, что свят — вид.
Как золотой ларчик
Ивѐрская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было — как хочу.

31 марта 1916 г.

4

Настанет день — печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
— Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и Вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.

Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет,—
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916 г., 1-й день Пасхи.

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916 г.

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, —

Калужской — песенной — прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916 г.

7

Семь холмов — как семь колоколов!
На семи колоколах — колокольни.
Всех счетом — сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916 г. Казанская.

8

— Москва! — Какой огромный
Страннопринимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы всё к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется алиллуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916 г. Казанская.

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916 г.

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, —
Царевать тебе — под заборами!
Целовать тебе, внучка — ворона!

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние,
Да за песни твои осторожные,
За позор пополам со смутою, —
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол,
Сволокут меня черти волоком
Я за чаркой, с тобою роспитой,
Говорила, скажу и Господу, —
Что любила тебя, мальченочка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916 г.

Да с этой львиною
Златою россыпью,
Да с этим поясом,
Да с этой поступью, —
Как не бежать за ним
По белу пò свету —
За этим поясом,
За этим посвистом!

Иду по улице —
Народ сторонится,
Как от разбойницы,
Как от покойницы.

Уж знают все, каким
Молюсь угодникам
Да по зелененьким,
Да по часовенкам.

Моя, подруженьки,
Моя, моя вина.
Из голубого льна
Не тките савана.

На вечный сон за то,
Что не спала одна —
Под дикой яблоней
Ложусь без ладана.

2 апреля 1916 г. (Вербная Суббота).

129887

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там где вò поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мною крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

4 апреля, 1916 г.

Всюду бегут дороги,
По лесу, по пустыне,
В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,
Ходят по ним дроги,
В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину
Страннические ноги,
Топчут кремень и грязь...

Кто на ветру — убогий?
Всяк на большой дороге —
Переодетый князь!

Треплются их отрепья
Всюду, где небо — сине,
Всюду, где Бог — судья.

Сталкивает их цепи,
Смешивает отрепья
Пàрная колея.

LEARNING RESOURCES CENTER
NAZARETH COLLEGE

Так по земной пустыне,
Кинув земную пажить
И сторонясь жилья,

Нищенствуют и княжат —
Каторжные княгини,
Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,
Вот мы и сшиблись клином.
Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою, —
Это беда с бедою
Каторжная — сошлась.

Что же! Целуй в губы,
Коли тебя, любый,
Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге
Поволокут дроги —
В ранний ли, поздний час.

5 апреля, 1916 г.

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня—святцы,

А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот—орленком, щегленком—тот,
Всяк по иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц—
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали равнò, называли разно,
Всè называли, никто не назвал.

6 апреля 1916 г.

Коли милым назову—не соскучишься!
Богородицей—слыву—Троеручицей:
Одной—крепости крушу, друга—тамотка,
Третьей по̀ морю пишу—рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
Подивится весь народ, что за схимница!
Филин ухнет, черный кот ощетинится,
Будешь помнить цельный год—чернокнижницу!

Черт: ползком не продерусь!—а мне едется!
Хочешь, с зеркальцем пройдусь—в гололедицу?
Ради барских твоих нужд—хошь в метельщицы!
Только в мамки—не гожусь—в колыбельщицы!

Коль похожа на жену—где повойник мой?
Коль похожа на вдову—где покойник мой?
Коли суженого жду—где бессонница?
Царь-Девицею живу—беззаконницей!

6 апреля 1916 г.

Обвела мне глаза кольцом
Теневым—бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись — идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая.
Кликала—и накликала
Теневой венец.

Мало меня звала?
Мало со мной спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся,
Буду тебе чтецом
Я, бессонница.

Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы спалось—легче
Буду тебе—певчим:

Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому не писали писем,
И кому с тобой не клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены—
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук—
Твои рученьки.

Вот ты и отмучилась.
Милая мученица.

Сон — свят.
Всё — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916 г.

В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

Благодатная, вспомяни,
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.

Не смущать тебя пришла, прощай,
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.

Будет день—умру—и день—умрешь,
Будет день—пойму—и день—поймешь...
И вернется нам в день прощеный
Невозвратное время оно.

26-го апреля 1916 г.

С. Э.

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я — бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих — междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари царствуют.

Кто земель моих не оспаривал,
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил — варева,
Не жег — зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою — нищая!

27 апреля 1916 г.

Продаю! Продаю! Продаю!
Поспешайте, господа хорошие!
Золотой товар продаю,
Чистый товар, не ношенный,
Не сквозной, не крашенный,—
Не запрашиваю!

Мой товар — на всякий лад, на всякий вкус.
Держись, коробейники! —
Не дорожусь! не дорожусь! не дорожусь!
Во что оцѐните.
Носи — не сносишь!
Бросай — не сбросишь!

Эй, товары хороши-то-хороши!
Эй, выкладывайте красные гроши!
Да молитесь за помин моей души!

28 апреля 1916 г.

СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет та̀к, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,

В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.

Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916 г.

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.

Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне пòд ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Она поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!
Аминь.

1 мая 1916 г.

3

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих —бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою—не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег.—

Там, где поступью величавой,
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святые славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916 г.

4

Зверю — берлога,
Страннику — дорога,
Мертвому — дроги.
Каждому — свое.

Женщине — лукавить,
Царю — править,
Мне — славить
Имя твое.

2 мая 1916.

5

У меня в Москве — купола горят!
У меня в Москве — колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят,—
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари!

И проходишь ты над своей Невой.
О ту пору над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

6

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по̀ снегу!
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите, ка̀к
Веки ввалились темные!
О поглядите, ка̀к
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

4 мая 1916 г.

7

Должно быть за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть любовь проще
И легче, чем я ждала.

Эй, идолы, чтоб вы сдохли!
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед — охлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916 г.

И тучи сводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце — доколе не надоест!—
И желтый - желтый за синею рощей крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: Ангел.

18 мая 1916 г.

Руки люблю
Целовать и люблю
Имена раздавать
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну — клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916 г.

СТИХИ К АХМАТОВОЙ

1

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола́ горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
— Ахматова! — и сердце свое в придачу.

19 июня 1916 г.

2

Охватила голову и стою,
— Что людские козни! —
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас — одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна — милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянуло горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь, о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916 г.

3

Еще один огромный взмах —
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало — тела.

Не человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!

Часы, года, века. — Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916 г.

4

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Вòлосом òн рыж
— Голова тюльпана! —
Что ж, осанна
Маленькому царю.

Дай ему Бог — вздох
И улыбку матери,
Взгляд — искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын — гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!

Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок — в твоей горсти!

24 июня 1916 г.

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей —
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия — и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И — высóко у парусов —
Отрока в синей блузе.
Грòм мòря и грозный зов
Раненой Музы.

25 июня 1916 г.

6

Не отстать тебе! Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916 г.

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! — Крепостница! —
Я заслышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом, — всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь
Смертоносному правосудью.

26 июня 1916 г.

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном — с цветиками — платке,
— Милости удостоиться —
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы,

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916 г.

9

Златоустой Анне—всея Руси
Искупительному глаголу,—
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты!—Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне—всея Руси!

27 июня 1916 г.

10

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос—как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие—свят, свят, свят —
Не тем же ль голосом, Господи, говорят.

Стою и слушаю и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает—голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово,—а руки твоей.

Для всех, в томленьи славящих твой подъезд,—
Земная женщина, мне же—небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,—
И всё *твоими* очами глядят иконы!

1 июля 1916 г.

11

Ты солнце в выси мне застишь,
Всё звезды в твоей горсти!
Ах, если бы—двери настежь!—
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916 г.

Руки даны мне—протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы—давать имена,
Очи—не видеть, высокие брови над ними—
Нежно дивиться любви и—нежней—нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжéле,
Безостановочно ходит и ходит в груди,—
Это—кто знает?—не знаю,—быть может,—должно быть—
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916 г.

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов—за белой стеною—погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба—посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует.

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи!—и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалостный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах.—Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!

3 июля 1916 г.

В огромном городе моем—ночь.
Из дома сонного иду—прочь,
И люди думают: жена, дочь.
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет путь,
И где-то музыка в окне—чуть.
Ах, нынче ветру до зари—дуть
Сквозь стенки тонкие груди—в грудь.

Есть черный тополь, и в окне—свет
И звон на башне, и в руке—цвет,
И шаг вот этот—никому вслед,
И тень вот эта, а меня—нет.

Огни, как нити золотых бус,
Ночного листика во рту—вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам—снюсь.

Москва, 17 июля 1916 г.

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим,—ничьим,
В медленных жилах еще занывают стрелы,
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик,—и от темной ночи
Только одно темнеет у нас—глаза.

19 июля 1916 г.

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916 г,

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку—плэд.
Если не хочешь муку
Принять,—спи, сосед.

Шаг лунатика. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.
Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей—в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс—корабль,
Дилижанс—корабль.
Лес
Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять,—спи, сосед!

23 июля 1916 г.

Искательница приключений,
Искатель подвигов—опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами—океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,

И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев,—
И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.

А Вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе,—
А за бокалом Асти,
Я слагала Вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
Пинны клонились: Salve!
Звали меня—Коринной,
Вас—Освальдом.

24 июля 1916 г.

ДАНИИЛ

1

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: Кто здесь?
— Это я пришла. — Зачем? — Сама не знаю.
— Время позднее, дитя, а ты не спишь.

Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко, —
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Все мне снится, что тебя терзают львы!

26 июля 1916 г.

2.

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,
И наши кони смирные бок о бок,
И подбородка львиная черта,
И пастырской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я девочка, — с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов...
— Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей доврѐменная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И, отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову...
Что надобно любить Иегову...
И что не надо плакать мне — как плачу...

Запахло яблонями и дымком,
— Мы к умирающему едем в дом,
Он говорит, что в мире все нам снится...
Что волосы мои сейчас как шлем...
Что все пройдет... Молчу — и надо всем
Улыбка Даниила-тайновидца.

26 июля 1916 г.

3.

В полнолунье кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолунье в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа — мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов —
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

28 июля 1916 г.

Сегодня ночью я одна в ночи,
— Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы.

Бессонница меня толкнула в путь,
— О как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воюющую землю.

Вздымаются не волосы, а мех!
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех,
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916 г.

Не моя печаль, не моя забота,
Как взойдет посев,
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел и лев.

Стерегу в глазах молодых — истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

Разметались кудри, разорван ворот...
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

2 августа 1916 г.

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне,
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи моей прекрасной
Ходит по сердцу пила.

8 августа 1916 г.

Черная как зрачок, как зрачок сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя — я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916 г.

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916 г.

И другу на̀ руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916 г.

И не плача зря
Об отце и матери — встать, и с Богом
По большим дорогам
В ночь — без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:
Стыд поглотит и с Богом тебя разлучит.
А зато научит
Петь и, в глаза улыбаясь, красть.

И кого-то звать
Длинным свистом, на перекрестках черных,
И чужих покорных
Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом,
Или колосом — все по дорогам — чудно!
Только в сказке — блудный
Сын возвращается в отчий дом.

10 октября 1916 г.

Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
— Я в мире иной не искала корысти. —
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья!

17 октября 1916 г.

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким — приют,
Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи — дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.
Там и я права,
Там и ты хорош.

Там одна — темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

22 октября 1916 г.

Кабы нас с тобой да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице,—всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька — бела, бела,—
Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916 г.

Каждый день все кажется мне: суббота!
Зазвонят колокола, ты войдешь.
Богородица из золотого кивота
Улыбнется, как ты хорош.

Что ни ночь, то чудится мне: под камнем
Я, и камень сей на сердце – как длань.
И не встану я пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: Девица, встань!

8 ноября 1916 г.

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Все—снег, все—смерть, все—сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда-то тело,
Было имя, — но не все ли—дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий,
Горностаевый ребенок — мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916 г.

Кто спит по ночам? Никто не спит.
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь, — проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дому в дом
Проходит с розовым фонарем.
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:
— Не спи! крепись! говорю добром!
Не то — вечный сон! Не то — вечный дом!

12 декабря 1916 г.

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят,
Или просто рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Не от свеч, от ламп чернота зажглась, —
От бессонных глаз.

Крик разлук и встреч
Ты, окно в ночи!
Может, сотни свеч,
Может, три свечи...

Нет и нет уму
Моему покоя.
— И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

Москва,
23 декабря 1916 г.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Стран.

Отмыкала ларец... 7
Посадила яблоньку... 8
К озеру вышла... 9
Никто ничего не отнял... 10
Собирая любимых... 11
Ты запрокидываешь... 12
Откуда такая нежность... 14
Разлетелось... 15
Не сегодня-завтра... 16
Голуби реют... 17
Еще и еще... 18
Не ветром... 19
Гибель от женщины... 20
Приключилась с ним... 21
Устилают—мои... 22
На крыльцо выхожу... 23
В день Благовещенья... 24
Канун Благовещенья... 25
Четвертый год... 29
За девками доглядывать... 31
Димитрий!—Марина!... 32

СТИХИ О МОСКВЕ:

Стран.

1. Облака вокруг... 36
2. Из рук моих... 38
3. Мимо ночных... 40
4. Настанет день... 41
5. Над городом... 43
6. Над синевою... 44
7. Семь холмов... 45
8. Москва... 46
9. Красною кистью... 47

Говорила мне бабка... 48
Да с этой львиною... 50
Веселись, душа... 52
Всюду бегут... 53
Люди на душу... 55
Коли милым назову... 56
Обвела мне глаза... 57
В оны дни... 60
Я пришла к тебе... 61
Продаю... 62

СТИХИ К БЛОКУ:

1. Имя твое... 63
2. Нежный призрак... 65
3. Ты проходишь... 67
4. Зверю — берлога... 69

Стран.
5. У меня в Москве 70
6. Думали—человек 71
7. Должно быть 72
8. И тучи оводов 73

Руки люблю 74

СТИХИ К АХМАТОВОЙ:

1. О, Муза плача 75
2. Охватила голову 77
3. Еще один огромный... 79
4. Имя ребенка 81
5. Сколько спутников 83
6. Не отстать тебе 84
7. Ты, срывающая 85
8. На базаре кричал 86
9. Златоустой Анне 87
10. У тонкой проволоки 88
11. Ты солнце в выси 89

Руки даны мне 90
Белое солнце 91
В огромном городе 92
После бессонной 93
Нынче я гость 94
Вдруг вошла 95
Искательница приключений 97

ДАНИИЛ:

Стран.

1. Села я на подоконник 99
2. Наездницы 100
3. В полнолунье 102

Сегодня ночью 103
Не моя печаль 104
Нежно-нежно 105
Черная, как зрачок 106
Бог согнулся 107
И другу на руку 108
И не плача зря 109
Целую червонные листья 110
Погоди, дружок 111
Кабы нас 112
Каждый день 113
По дорогам 114
Кто спит по ночам 115
Вот опять окно 116

---

3 2769 00 532 508

T3-BID-499